192/244

10. X.
192 244

В. Н. Добровольскій.

О ДОРОГОБУЖСКИХЪ МѢЩАНАХЪ

И ИХЪ

ШУБРЕЙСКОМЪ ИЛИ КУБРАЦКОМЪ ЯЗЫКѢ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12).
1897.

192244

В. Н. Добровольскій.

О ДОРОГОБУЖСКИХЪ МѢЩАНАХЪ

И ИХЪ

ШУБРЕЙСКОМЪ ИЛИ КУБРАЦКОМЪ ЯЗЫКѢ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12).
1897.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
992622

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Апрѣль 1897 г. Непремѣнный Секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.

Отдѣльный оттискъ изъ Извѣстій Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, т. II (1897 г.), кн. 2-ой, стран. 320—352.

О Дорогобужскихъ мѣщанахъ и ихъ шубрейскомъ или кубрацкомъ языкѣ.

При раздѣленіи Россіи Петромъ Великимъ на 8 губерній (въ декабрѣ 1708 года) Дорогобужъ былъ причисленъ къ Смоленской губерніи.

Въ 18-мъ столѣтіи Дорогобужъ былъ мѣстомъ ссылки преступниковъ и бродягъ, не успѣвшихъ убѣжать за рубежъ и находившихся въ вѣдѣніи воеводской канцеляріи. Эти преступники помѣщались частію въ тюремномъ замкѣ, находившемся въ земляной крѣпости, частью жили на свободѣ по окраинамъ города и употреблялись на разныя работы [1]). У мѣщанъ города Дорогобужа давнымъ давно, а когда — они сами того не знаютъ, образовался таинственный языкъ, въ родѣ тѣхъ языковъ, какіе въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ въ употребленіи у бродягъ и воровъ. Этимъ языкомъ пользуются ремесленники, мелкіе торговцы, а также бродяги во время своихъ предосудительныхъ промысловъ и занятій. Языкъ этотъ въ одинаковомъ употребленіи у мужчинъ, женщинъ и дѣтей: всѣ они понимаютъ по-кубрацки или по-шубрейски и говорятъ по-кубрацки, чтобъ скрыть отъ людей постороннихъ свои мысли.

1) Справочная книжка Смоленской губерніи на 1894 годъ, стр. 207.

Обыкновенная рѣчь Дорогобужскихъ мѣщанъ отличается отъ говора крестьянъ Дорогобужскаго уѣзда; въ средѣ мѣщанской сохранились нѣкоторые характерные обычаи и обряды. Мѣщане — народъ способный, живого и веселаго характера; они одарены музыкальнымъ слухомъ, и изъ среды ихъ вышли довольно порядочные музыканты-самоучки, играющіе въ хорѣ оркестра пожарной музыки. Отъ воинской повинности они иногда уклоняются, но въ короткое время выучиваются маршировкѣ и военному искусству. Мѣщане скрытны и всегда себѣ на умѣ; сами не прочь обмануть и украсть, а жестоко расправляются съ ворами. Роста они средняго, тѣлосложенія плотнаго; отъ крестьянъ отличаются скорою и торопливою походкою. У нѣкоторыхъ мѣщанъ и мѣщанокъ характерные дугообразные орлиные носы. Мнѣ попадались брюнеты, имѣющіе волосъ цвѣта крыла ворона. По свѣдѣніямъ, собраннымъ полиціей въ 1888 году, въ Дорогобужѣ считается 8190 человѣкъ, изъ коихъ 3810 мущинъ и 4380 женщинъ. По сословіямъ жители распредѣляются слѣдующимъ образомъ: потомственныхъ дворянъ 118 человѣкъ, духовенства 148 человѣкъ; почетныхъ гражданъ потомственныхъ 100 человѣкъ, купцовъ 131 человѣкъ, мѣщанъ 6038 человѣкъ (2920 мущинъ и 3118 женщинъ); крестьянъ 346 человѣкъ; нижнихъ воинскихъ чиновъ: отставныхъ, запасныхъ солдатскихъ женъ и дѣтей — 1087 человѣкъ и наконецъ евреевъ 127 человѣкъ.

Въ настоящее время главная торговля по городу Дорогобужу и его уѣзду — скотомъ, лошадьми, хлѣбомъ, пенькою, куделью, коноплей, кожами и тряпками [1]).

Въ торговлѣ принимаетъ живое участіе самый многочисленный классъ жителей Дорогобужа — мѣщане. Конопля, пенька, куделя и пакля отправляются въ Ригу и другіе города, а кожи невыдѣланныя въ Вязьму, Витебскъ и Могилевъ. Жители Заднѣпровской части города занимаются гончарнымъ производствомъ и ходятъ по деревнямъ съ мелочнымъ товаромъ; въ За-

1) Справочная книжка Смоленской губерніи на 1894 годъ, стр. 209.

ордыжской и Заднѣпровской части Дорогобужа занимаются вязаніемъ рукавицъ. Рукавицъ на Свѣтлой ярмаркѣ продается до 40.000 на сумму до 4000 рублей; сотня рукавицъ стоитъ отъ 9 до 11 рублей. Заднѣпровскія мѣщанки еще ладонятъ рукавицы, т. е. передѣлываютъ старыя, придѣлываютъ къ нимъ новыя ладони. До 30 человѣкъ вырабатываютъ кирпичъ на мѣстѣ и нанимаются вырабатывать его въ помѣщичьихъ хозяйствахъ «съ обжогою и сырцомъ». До 10 человѣкъ городского населенія вырабатываютъ простыя кафли, такъ называемый бѣлый кирпичъ. Много изъ мѣщанъ ремесленниковъ: портныхъ, сапожниковъ; ремесленники — «бѣдовые пьяницы». Съ сентября мѣсяца заднѣпровцы, взявъ въ лавкѣ четверть ящика стекла, отправляются по деревнямъ и «накладываютъ стекла» исключительно на зерно. Работа, стоющая 15 коп., оплачивается зерномъ на сумму 30, 40 коп.

Немногіе мѣщане занимаются земледѣліемъ на отведенной имъ городомъ землѣ,—прежде земля отдавалась имъ безплатно, а въ настоящее время взимается съ нихъ рублевая плата за десятину. Обрабатывается такимъ образомъ до 100 десятинъ, сѣется рожь, яровое, огородное: огурцы, капуста, а картофель по преимуществу. Мѣщане откупаютъ сады у помѣщиковъ по всей Смоленской губерніи. Мѣщанки нанимаются полы мыть, лѣтомъ, копать и загребать гряды, убирать сѣно. Среди мѣщанокъ, занимающихся торговлею, есть торговки «табачницы» и перекупки—овощницы. Торговки-овощницы встрѣчаютъ хозяина, везущаго продукты собственнаго сада, перекупаютъ яблоки, груши и сливы, и везутъ ихъ на рынокъ. Это народъ надоѣдливый и весьма задорный. Ямщички, жительницы ближайшихъ Дорогобужу деревушекъ, ходятъ по рынку съ кувшинами и пискливыми голосами кричатъ: Постнаго масла, ти ли ли! Заднѣпровцы ѣздятъ по деревнямъ и вымѣниваютъ на мелочные товары кудель, ленъ, тряпки, пухъ, перо, вощину, кужурину (кожурину).

Мелочные товары Заднѣпровцы сами берутъ въ долгъ «на книжку» въ большихъ лавкахъ и выплачиваютъ долги не день-

гами, а разнообразными собранными ими въ путешествіи продуктами.

Какъ большія рѣки несутъ воду маленькихъ рѣчекъ и ручьевъ, такъ и весь товаръ мелкихъ торгашей становится достояніемъ большихъ лавокъ, не ограничивающихся въ Дорогобужѣ какого либо рода спеціальною торговлею.

Изъ Дорогобужскихъ торговцевъ самый оригинальный народъ крестовники, по-кубрацки — багровники.

Нѣкоторые изъ бѣдныхъ и при томъ лѣнивыхъ гражданъ преимущественно изъ Заднѣпровья, не желая честнымъ трудомъ снискивать себѣ пропитаніе, набираютъ разныхъ крестьянскихъ иконокъ, камешковъ, кусочковъ дерева, лоскутьевъ отъ одежды, ходятъ по деревнямъ и продаютъ эти предметы, выдавая ихъ за священные и взятые изъ замѣчательнѣйшихъ монастырей и святыхъ мѣстъ; напр. кусочки дерева, какъ бы взятые отъ гроба Сергія Радонежскаго, камешки съ Аѳонской горы, Голгоѳы или Іерусалима.

Нѣкоторые крестовники ходятъ съ книжечками, якобы изъ Аѳонскихъ и Іерусалимскихъ монастырей и показываютъ эти книжечки за 12-ю печатями. Говорятъ, отецъ Яковъ, покойный священникъ г. Дорогобужа, долго распрашивалъ крестовника объ Іерусалимѣ, гдѣ онъ будто бы бывалъ — крестовникъ не выдержалъ строгаго экзамена; сбитый вопросами, онъ пустился бѣжать, но его задержали и отправили въ полицію; впослѣдствіи крестовникъ былъ подвергнутъ суду и тюремному заключенію.

Квартальный надзиратель Василій Сергѣичъ Крапухинъ, старожилъ Дорогобужа, утверждаетъ, что иногда крестовники входятъ въ сношенія съ греками, и у нихъ бываютъ подлинныя книжечки греческихъ монастырей, только себѣ они оставляютъ большую часть собраннаго, а заграничнымъ монастырямъ отсылаютъ лишь незначительную долю.

Вотъ почему, быть можетъ, въ Кубрацкомъ языкѣ и встрѣчаются греческія слова; напр. ми́крый—малый, га́лими (такъ!)—молоко. Крестовники ходятъ съ длинными волосами, какъ лица,

принадлежащія къ духовному званію. Войдя въ домъ, они долго молятся:

«Господи Іисусе Христе, помилуй насъ.

Молитвами святыхъ отецъ, насъ грѣшныхъ!

Миръ вамъ, батюшка хозяинъ съ хозяюшкой и вся честная братія, сидящая за столомъ».

Если въ домѣ обѣдаютъ, приглашаютъ паломника закусить:

«Не угодно-ли вамъ, батюшка, съ нами откушать?»

А у паломника въ рукахъ длинный посохъ, пустой внутри и съ проволокой, желѣзной или мѣдной, которая звенитъ при сильномъ сотрясеніи палки. Паломникъ нѣкоторое время молча стоитъ, опершись на свой посохъ, со строгимъ видомъ; вдругъ онъ посохомъ стукнетъ и станетъ прислушиваться.

«Прислушайтесь! Чуете ли вы звонъ? Чуете, братія?»

— Ну, да, батюшка! Что-то звенитъ. —

— Вотъ вы, батюшка хозяинъ съ хозяюшкой, приглашаете меня обѣдать, — а въ небесной то обители и на Аѳонѣ обѣдня еще не отошла». Опять посохомъ стукъ. «Слышите? Только прозваниваютъ. Сдѣлайте ваше одолженіе, хозяинъ и съ хозяюшкой, не невольте меня, родимые! Еще будетъ время наполнить свою утробу, наѣдимся»... Ну, ну, батюшка, какъ сами знаете... мы васъ не нуждаемъ... извѣстно дѣло, мы люди темные, грѣшные...

Черезъ часъ послѣ окончанія обѣда паломникъ обращается къ хозяйкѣ съ просьбою:

«А вотъ теперь, матушка, я, признаться, закусилъ бы! Теперь намъ можно».

И проситъ паломникъ дать ему не того, что всѣ ѣли, а того, что повкуснѣе, даже скоромнаго, «скоромятинки», хоть и въ день постный: яешинки (яишницы), маслица, сметанки, сальца.

Все это поданное паломникъ поѣдаетъ и тутъ же проситъ на построеніе храма: «и пухъ, и перья, и сало, и масло, и кожи, — все это я принимаю и на построеніе храма св. Прасковьи обители посылаю. А почему, батюшка, я собираю на церковь Прасковьи мученицы, я сейчасъ вамъ доложу. Была у меня супруга

Прасковья, царство ей небесное—теперь она покойница—такая богомольная, такая хорошая, такая хозяйственная... да вотъ померла... «Вздыхаетъ паломникъ, даже слезинки показываются у него при воспоминаніи объ умершей фиктивной супругѣ; навертываются онѣ и у хозяина и хозяйки: по описанію, покойница имъ очень понравилась.

— Что дѣлать батюшка, что дѣлать батюшка! всѣ мы люди смирётные, всѣ тамъ будемъ. Не печалуйся, батюшка: а то она на томъ свѣтѣ плакаться и обижаться на васъ будетъ.

И раскошеливаются хозяинъ съ хозяюшкой: и какъ не почтить пожертвованіемъ память достойной и прекрасной женщины, умѣло расписанной крестовникомъ, согласно съ крестьянскимъ идеаломъ.

Особенно много денегъ собираютъ крестовники отъ продажи пелены или покрывала въ родѣ плащаницы съ изображеніемъ Христа.

«Братія», говоритъ крестовникъ, продавая покрывало: «если вы будете покрываться покрываломъ, то по вѣкъ вѣчный не будете во грѣхахъ — и грѣхи вамъ легко отпустятся, такъ легко, какъ вода сыплется съ гуся, отряхивающаго себѣ крылья».

Обыкновенно эти покрывала пріобрѣтаются для покрытія тѣла покойника въ той надеждѣ, что ему и грѣхи отпустятся, и онъ наслѣдуетъ царство небесное.

Вѣроятно, крестовники съ покрывалами часто посѣщали Порѣчскій уѣздъ, потому что Порѣчское Полицейское Правленіе особыми *указами* старалось пресѣчь кощунственную торговлю подобнаго рода. Цѣна покрывала доходитъ до тридцати рублей; покупаются покрывала въ Калугѣ и въ Москвѣ. Кромѣ того крестовники торгуютъ образками на шелковой или атласной лентѣ, якобы принесенными съ Аѳона, а въ сущности купленными въ Москвѣ или Калугѣ. Говорятъ, что крестовникъ за лѣто вырабатываетъ до 500 рублей; иногда онъ нанимаетъ себѣ помощника за 20 рублей въ мѣсяцъ.

«Разъ я былъ по торговымъ дѣламъ въ Ельнинскомъ уѣздѣ,

передавалъ мнѣ купецъ Свѣшниковъ, и встрѣтился въ одномъ домѣ съ мѣщаниномъ Дорогобужцемъ, уклонившимся отъ воинской повинности. Знакомецъ отростилъ себѣ длинные волосы, какъ лицо духовное, и бродилъ съ образками по Смоленской губерніи. Я узналъ бѣглеца, сталъ его совѣстить, описывалъ ему то неловкое положеніе, въ какое онъ поставилъ семью. Крестовникъ выслушалъ меня.—А мнѣ хорошо, говоритъ: даютъ,—дураковъ здѣсь непочатый уголъ. Да нехудо, батюшка, чтобъ и ты мнѣ что-нибудь пожаловалъ! Я страшно, понимаете, разсердился что крестовникъ меня къ дуракамъ причислилъ и въ глаза насмѣялся. На столѣ лежали ножницы; я съ ними подбѣжалъ къ крестовнику и отрѣзалъ отъ его гривы большой клокъ волосъ. Крестовникъ страшно огорчился, даже заплакалъ: «батюшка, батюшка, обидѣлъ ты, совсѣмъ обезпечилъ бѣднаго человѣка... вишь какъ обкарнатилъ меня, совсѣмъ арестанта сдѣлалъ. Что я теперь буду дѣлать безъ волосъ, моихъ кормильцевъ? Мнѣ теперь давать не станутъ, какъ страннику по святымъ мѣстамъ».

Во время своихъ промысловъ крестовники, выдающіе себя за паломниковъ, не любятъ встрѣчаться со своими земляками, которые будутъ смѣяться надъ длинными волосами божьихъ людей, посѣтившихъ будто и не разъ Іерусалимъ и Аѳонскіе монастыри, а въ сущности, далѣе Смоленской губерніи нигдѣ не бывавшихъ; крестовники пробираются домой позднимъ вечеромъ или раннимъ утромъ.

Крестовники стараются прослыть чудотворцами, цѣлителями различныхъ болѣзней и прибѣгаютъ къ обычнымъ пріемамъ бродягъ и проходимцевъ. Одинъ крестовникъ дѣйствовалъ при помощи ячменныхъ зеренъ. Пришелъ онъ разъ въ домъ, гдѣ былъ грудной ребенокъ. Случилось, что всѣ вышли изъ хаты, кромѣ крестовника. Крестовникъ насовалъ ребенку въ задній проходъ ячменныхъ зеренъ, такъ что послѣдній сталъ ревѣть благимъ матомъ и казался опасно заболѣвшимъ. Испуганные родители старались успокоить ребенка и лѣчили его разными домашними средствами; ничего не помогало. Тогда крестовникъ начинаетъ

молиться за ребенка и лѣчить его по своему. Кладетъ свой кошель на столъ, вынимаетъ изъ него различные припасы: бутылочку съ іорданской водой, другую съ песочкомъ со дна рѣки Іордана, третью съ маслицемъ изъ Аѳонскаго монастыря, кропитъ ребенка водою, мажетъ его маслицемъ, сыплетъ на него песочкомъ, молится и совершаетъ свои обряды сначала въ присутствіи всѣхъ, а потомъ высылаетъ всѣхъ изъ хаты для совершенія какой то особенно важной молитвы, которую нужно произносить въ уединеніи. Оставшись одинъ съ ребенкомъ и убѣдясь, что никто не подсматриваетъ, крестовникъ освобождаетъ ребенка отъ ячменныхъ зеренъ, причинявшихъ ему нестерпимый зудъ. Обѣдаютъ. Но вотъ ребенокъ просыпается въ веселомъ расположеніи духа, чему родители несказанно рады, благодарятъ крестовника, безъ всякой просьбы вознаграждаютъ его деньгами. Съ тѣхъ поръ крестовникъ въ деревнѣ той пользуется огромной славой и понынѣ имѣетъ большую практику.

Въ селѣ Даньковѣ, Смоленскаго уѣзда, года два тому назадъ пробивался странникъ. Объ немъ Даньковцы говорили: «праявився у насъ нѣкій странникъ; усе вобразики на лентачкахъ валочить». У крестьянина села Данькова Прокопа Антоненкова дочь страдаетъ эпилептическими припадками. Странникъ пообѣщалъ Авгиньѣ, женѣ Прокопа, вылѣчить больную за полштофъ водки; та съ удовольствіемъ согласилась. Странникъ уединился съ дѣвушкой въ особую хату. Матери казалось, что она слышитъ крикъ своей дочери, но Авгинья полагала, что безъ криковъ и боли серьезное лѣченіе не бываетъ. Черезъ нѣсколько времени отецъ больной дѣвушки хотѣлъ подать въ судъ жалобу объ изнасилованіи своей дочери какимъ-то бродягой.

Странники—народъ грубый и циничный. Къ одной старушкѣ, помѣщицѣ Ельнинскаго уѣзда, пришолъ какой то бродяга, назвавшій себя Аѳонскимъ монахомъ. Старушка усомнилась и спросила у него паспортъ. «Вотъ тебѣ паспортъ!» сказалъ онъ, щелкнулъ хозяйку по носу и ушолъ.

Нѣкоторые изъ крестовниковъ, желая прослыть знахарями,

прибѣгаютъ къ «подносамъ» и подкидышамъ. Это пріемъ странствующихъ цыганъ. Какъ крестовники, такъ и странствующіе цыганы хорошо знакомы съ суевѣрными обычаями и воззрѣніями народа; пользуясь этимъ знаніемъ, они эксплоатируютъ его суевѣріе. Народъ больше всего боится подносовъ и подкидышей, полагая, что они дѣло колдуновъ, дѣйствующихъ при помощи злыхъ духовъ, и что избавиться отъ подносовъ можно лишь при помощи знахарей и вѣдьмаковъ. Крестовники сами бросаютъ «подкидыши», стараясь всевозможными способами напугать крестьянъ и настроить суевѣрнымъ образомъ ихъ воображеніе, потомъ за деньги предлагаютъ крестьянамъ свои услуги, уничтожающія дѣйствіе подносовъ и подкидышей.

Странникъ—онъ въ тоже время и знахарь, и докторъ, и предсказатель—типъ хорошо извѣстный нашей деревнѣ. Особенно часто такихъ странниковъ можно видѣть по деревнямъ и селамъ во время святой недѣли, весною. Въ засаленныхъ колпакахъ, на подобіе монашескихъ, изъ коихъ выбиваются пряди длинныхъ волосъ, бредутъ они съ лукошками, собирая разные припасы и торгуя ими.

У старцевъ деревенскими хозяйками пріобрѣтаются яйца по дешевой цѣнѣ: изъ «субóрныхъ» яицъ хорошо выходятъ цыплята.

Гостепріимна наша деревня. Кровъ почти каждаго хозяина открытъ для странника; хозяинъ прикроетъ его рубища, накормитъ, напоитъ, пожалуй еще опохмелитъ. На открытомъ и привѣтливомъ лицѣ мужика не выразится никакого сомнѣнія на счетъ того, что странникъ, задавшійся душеспасительными подвигами, такъ и убираетъ въ постные дни скоромятину; только бабы—тѣ немного посудачатъ: «а, мáмыньки мае, быў у насъ нѣкій старецъ, у пятницу скоромное такъ и преть». Зато странникъ поучаетъ и развлекаетъ хозяина, сообщаетъ ему разныя извѣстія, «дѣдúтъ» и предсказываетъ ему. Странникъ разсказываетъ мужику о святыхъ мѣстахъ и о чудесахъ недавно происшедшихъ. У иного странника память богата, — знаетъ онъ много легендъ,

душеспасительныхъ разсказовъ, народныхъ примѣтъ относительно погоды. Иной странникъ по народному календарю, не справляясь съ писаннымъ, можетъ опредѣлить дни и числа подвижныхъ праздниковъ, а иной такъ и уснащаетъ свою рѣчь пословицами, прибаутками, что мужику очень нравится—и онъ все будетъ поддакивать. Предсказаніе странника иногда является просто нравственною необходимостью.

Погода въ деревнѣ часто бываетъ злобою дня. Августъ мѣсяцъ; по милости дождя не убраны снопы и позднее сѣно. Старики предсказываютъ погоду по стариннымъ примѣтамъ, но прибавляютъ, почесывая затылокъ: «Богъ яе знаеть погоду. Я у Бога не бывалъ. Нынче старыя примѣты не удаются». Гадаютъ о погодѣ и маленькія дѣти, изо всѣхъ силъ выкликая эхо, и всѣ прислушиваются, вторитъ ли дѣтямъ эхо звонкое и голосистое— это къ погодѣ. Но недоумѣніе всѣхъ разрѣшается извѣстіемъ: «въ такой деревнѣ странникъ сказалъ раньше Успенья погоды не жжи́тя!»[1]) Всѣ на томъ и успокаиваются на время.

Деревенской дѣвкѣ странникъ предскажетъ: «скоро выйдешь замужъ, но не въ своей деревнѣ; съ мужемъ будешь жить хорошо, но кони у васъ будутъ водиться плохо. Держите скотинку такой-то масти». Узнаетъ странникъ, что теща живетъ не въ ладу съ зятемъ, онъ предскажетъ ей скорую смерть зятя. Если зять скоро умретъ, странникъ навѣститъ тещу и еще что нибудь предскажетъ; а если зять, Богъ не снялъ съ него ручекъ, здоровъ, какъ лось, — повѣрьте, странникъ и ноги къ тещѣ не покажетъ. Странники вхожи и къ господамъ. — Деревня умнѣетъ, но много теряетъ въ простотѣ нравовъ. Теперешніе молодые десятскіе и сотскіе подкарауливаютъ подлѣ кабаковъ странниковъ и предсказателей, идущихъ изъ деревни; и какъ коршунъ— Ѳомка Разбойникъ почти изъ зоба исторгаетъ у соловецкой чайки добычу, такъ деревенскіе десятники опустошаютъ мѣха Божьихъ людей и на ихъ счетъ опохмеляются.

---

1) Не ждите.

Нѣкоторые мѣщане дорогобужцы промышляютъ осенью и зимою тѣмъ, что собираютъ милостыню, просятъ на погорѣлое, на градобоину, и на разные случаи жизни.

Я въ Дорогобужѣ былъ свидѣтелемъ слѣдующаго разговора. Кто-то сказалъ, что жителей сѣверной части Ельнинскаго уѣзда зовутъ «горѣлыми оглоблями».

— Нѣтъ, батюшка, возразилъ дорогобужецъ: не ельнинцы и не рославцы, а мы дорогобужцы, мы — жéжиныя оглобли: случается, что мы и не горѣли и не сѣяли, ничего, а просимъ на погорѣлое и на градобоину.

Вотъ разсказъ г. Свѣшникова.

«Торгуя пенькой, заѣхалъ я съ обозами пеньки въ Рогнѣдино, Рославльскаго уѣзда, къ своему знакомому, а онъ только что встрѣтился съ дорогобужцами, просящими на погорѣлое; по словамъ послѣднихъ на дняхъ Дорогобужъ и Свѣшниковы погорѣли. Пріятель постепенно сталъ меня готовить къ печальному извѣстію, пока наконецъ не сказалъ, въ чемъ дѣло. А я, когда узналъ, что извѣстіе о пожарѣ пришло отъ земляковъ, не очень-то испугался.

А вотъ, гляжу, и сами бредутъ авторы извѣстія въ обгорѣлыхъ лохмотьяхъ этакими лóдарями. «Тарýта, ухливайте! Нáймуса узнáхтимъ лабоникъ — а то стракулясникъ акарпýзить и у гурды́гу замасты́рить» (Не хорошо! Уходите! Насъ призналъ землякъ — а то урядникъ заарестуетъ и въ холодную засадитъ).

Дорогобужцы сказали это по своему и бросились уходить отъ меня.

— Что они говорятъ такое, какую тарабарщину? Спросилъ меня знакомый.

— «А жалуются, батюшка, на васъ, что вы имъ мало дали!» отвѣчалъ я со смѣхомъ.

Дорогобужскіе мѣщане удивительные мастера и даже художники выпрашивать, выдумывать всевозможные несчастные случаи и положенія: они стараются не только опечалить слушателя разсказомъ о трогательномъ событіи, но пускаютъ въ ходъ

юморъ и смѣшатъ слушателя, отчего получается эффектъ необыкновенный.

Купецъ Свѣшниковъ передавалъ мнѣ, что разъ такимъ манеромъ дорогобужецъ привелъ въ умиленіе исправника г. Ельни и склонилъ его къ пожертвованію.

У Ельнинскаго помѣщика собралось много гостей, былъ въ числѣ ихъ и исправникъ. Дорогобужецъ прокрался во время обѣда въ столовую и выставилъ себя жертвой своенравной и распутной супруги, которая довела его до разоренія и до полнаго отчаянія, такъ что ему остается только повѣситься, если не выручатъ его изъ бѣды добрые господа.

Присутствующіе смѣялись, предлагали ему разныя средства для укрощенія фуріи-жены, а въ концѣ концовъ сдѣлали пожертвованія въ пользу угнетеннаго супруга, который потѣшилъ всю компанію. Хозяинъ и гости пожертвовали по пяти рублей, пожертвовалъ и исправникъ три рубля.

Въ Дорогобужѣ ходитъ слѣдующій анекдотъ о двухъ мѣщанахъ. Проѣзжая мимо господской усадьбы, одинъ изъ нихъ притворился мертвымъ, а другой отправился къ помѣщику просить на погребеніе товарища. Помѣщикъ пожелалъ убѣдиться, дѣйствительно ли умеръ дорогобужецъ и, взявъ арапникъ, пошелъ испытывать мертвое тѣло. Живой мѣщанинъ заговорилъ тогда съ мертвымъ по-кубрацки: «шавру́къ хлить, таранчу́къ тахти́ть. Кимай, кимай, лабо́никъ: а то дасты клитца та́йбусу и ма́ймусу». (Баринъ идетъ, кнутъ несетъ. Лежи, лежи, товарищъ: а то достанется и тебѣ и мнѣ). Какъ ни далъ помѣщикъ мертвеца, онъ не обнаруживалъ признаковъ жизни. Вдоволь натѣшившись, помѣщикъ сдѣлалъ пожертвованіе на «мертвое тѣло».

Дорогобужскіе мѣщане пользуются дурною славою: во время своихъ путешествій въ качествѣ мелкихъ торговцевъ, странниковъ или крестовниковъ, они не прочь украсть овечку, курицу; нѣкоторые изъ мѣщанъ занимаются конокрадствомъ и находятся въ воровскихъ сношеніяхъ съ завзятыми конокрадами-цыганами. Можетъ быть, поэтому въ кубрацкомъ языкѣ встрѣчаются цы-

ганскія слова напр. ярó (яйцо). Дорогобужцы такъ пародируютъ воровской мѣщанскій разговоръ: «Антонъ, хлишь у хóлю, задермóнишь антóню и здуль. Уклúмай варнáтачку и пирхýтучку и здуль. Міяють артихóны и гаўрюкъ (гериúлъ)—пазитáимъ». (Антонъ пойдешь впередъ, натаскай картофеля и испеки его. Укради курочку и овечечку и испеки. Есть блины и горохъ (кушанье), попросимъ). «Хабóты, хлють ихъ мнúка, насъ поса — дадимъ смитаны». (Идутъ мужики, ихъ мало, а насъ много — отваляемъ ихъ).

Дорогобужскіе торговцы возятъ свои гарнцы и мѣрки; стоитъ приподнять ихъ, полотняное дно отвиснетъ, такъ что получается значительный *примѣръ*. Одинъ торговецъ кричитъ другому: «поддермонивай!» (Поддергивай!) Этотъ поддергиваетъ — и такъ быстро, что большею частью крестьянинъ не замѣчаетъ уловки продувного торгаша.

Въ Дорогобужскомъ уѣздѣ хорошо знакомы съ кубрацкимъ языкомъ; мѣщанинъ крестовникъ или мелкій торговецъ тогда только обращается къ своему товарищу на воровскомъ нарѣчіи, когда убѣдится, что окружающіе «ни шкутá не севріють» (ничего не понимаютъ). Даже маленькія дѣти, желая скрыть свои шалости отъ взрослыхъ, пріучаются говорить по-кубрацки: мáчта хлить, шентя́къ тахти́ть—ухлива́й! (Мать идетъ, кнутъ несетъ — уходи!).

Въ средѣ дорогобужскихъ мѣщанъ сохранились многіе древніе обычаи и обряды; они и теперь сохраняются и поддерживаются особенно въ Заднѣпровской части города.

Въ субботу предъ воскресеніемъ «жены мироносицы» заднѣпровскія мѣщанки справляютъ свѣчу.

На общій счетъ хозяекъ-сосѣдокъ устраивается свѣча фунтовъ въ пятнадцать. У хозяйки, справляющей свѣчу, подъ воскресеніе служится всенощная. Хозяйка справляетъ сама отъ себя ужинъ, а на завтра обѣдъ, и угощаетъ всѣхъ виномъ; за обѣдомъ подаются оладьи. По своему мирному и семейному характеру праздникъ напоминаетъ крестьянскую свѣчу; но въ мѣщанской средѣ это праздникъ женскій—не хозяевъ, а хозяекъ.

Вечеромъ наканунѣ радоницы и вторника Ѳоминой недѣли собирается народъ въ поле, несутъ дрова родителей грѣть. Кругомъ зажигаются огни; молодежь прыгаетъ черезъ огонь, играетъ въ горѣлки, въ кота-мышку, въ веревочку.

Если смотрѣть съ холмовъ Дорогобужа на заднѣпровскую часть, то можно видѣть массу свѣтящихся огоньковъ; до поздней ночи слышенъ крикъ и смѣхъ веселящейся молодежи.

Передъ Рождествомъ въ Дорогобужѣ ходятъ съ вертепомъ и поютъ вирши. Приведемъ текстъ вирша грустнаго и меланхолическаго содержанія, въ которомъ воспѣвается ничтожество и суета мірской жизни, а смерть представляется грозною и неумолимою:

«Увы! плачевно праваждаю
Жизнь маю на свѣтѣ семъ,
Рай блаженства забываю
И всея красоты въ немъ.
Я придамъ себя забавамъ,
Падражаю суетамъ:
Суета суетъ придъ мною
Завсигда какъ тѣнь бѣжитъ,
За спиною смерть съ касою,
Ходитъ бодренно — не спитъ,
Усюду видить, надзираить,
Штоба снять главу съ кого;
Хотя бѣднаго взимаить
И богатыхъ ни щадить,
Свѣтелъ, доброзраченъ
Царь величиствамъ сваимъ,
И среди сего пакоя
Смерть идеть, идеть за нимъ...
А на што жъ я суечуся,
Когда участь такова,
Когда въ землю возрачуся,
Какъ суха въ полѣ трава...

Иди, грѣшникъ, въ путь предѣловъ
Вознаслѣдствуй жизнь свою,
Табой убо смерть владѣла
Во ўсю жизнь тваю... *)

Въ первый понедѣльникъ масляной недѣли молодая женщина наряжается масляницей; у нея въ рукахъ куколка, которую она садитъ за плечи холостому парню или дѣвушкѣ съ вопросомъ: «А почему еще не женился?» «А почему не вышла замужъ?»

Женщина-масляница желаетъ масляной недѣлѣ протянуться хоть до великодня:

«А сударыня масляница
Пратянися хоть до великодня!
Гляну на повѣть —
Ана пѣсенки пяеть,
Гляну на парогъ —
Ана ляжить, какъ пирохъ;
Гляну на палицу —
Лежить ина съ рукавицу»...

Женщина-масляница поетъ о нераздѣльной любви и тоскѣ одинокой жизни:

«Колодка молодка, молоденькая!
Голоўка твоя пабѣднинькая
Съ кѣмъ жа мнѣ, малодки,
Ночку ночивать?
Ляжу спать одна —
Безъ мила дружка...

*) Въ числѣ прочихъ другихъ стиховъ поется и слѣдующій:
Маленькія дѣтки
Щипали квѣтки;
Въ раю стояли,
Христа величали,
Христосъ нарадился
И рай растварился.

Безъ мила дружка —
Береть грусть — таска...
Далеча мой милый
На тэй старанѣ...
Къ милому бъ пашла —
Рѣчка глубока;
Пиряхода ни нашла —
Жердочка танка.
На тэй старанѣ — купался бабёръ,
Купался (²) ня выкупался,
Толька вымарался,
Хатять бабра убить,
Сибѣ шубу сшить,
Бабромъ апушить»...

Поетъ она и веселыя пѣсни разгульнаго содержанія:

«Памишалася вада съ пяскомъ
Загуляла старуха съ старикомъ.
Патиряла рохъ съ табакомъ.
Наталья къ абѣдни шла,
Рохъ съ табакомъ *) нашла
Табачекъ ярунъ, старичекъ б....нъ»..

Весной поются слѣдующія пѣсни шутливаго и любовнаго содержанія:

---

*) У торговокъ — «табашницъ» есть особые приговоры о табакѣ:

Мальчикъ Алешинька
У люлички качаитца,
Табачокъ нюхать пріучаитца.
Табачокъ ярунъ,
А мужикъ б....нъ.
Хто табачокъ тёръ,
Тотъ памёръ.
Ишоу абозъ
Абаратіуся возъ
На мужицкій носъ.

1. Весна красна, што ты вынисла?
А я вынисла: дѣўкамъ чашку крупъ,
А ребятамъ трясцу въ пупъ.
2. Какъ по морю
морю 2.
Морю синиму,
Па валнистому.
Плула вутя 2
Лебедушка бѣлая.
Плыўши утя 2
Акунулася,
На бережку 2
Стрипянулася.
Няткуль взялся
Младой сизой арелъ —
Усшибъ, убилъ 2
Лебедушку бѣлую,
Руду пустилъ 3
У сырую у зямлю,
А мелкій пухъ 3
Па паднебезьзю.
Сбирала жъ пухъ 2
Красна дѣвица душа
Свайму дружку
На падушечку,
Сирдяшнива (такъ!)
На згалоўица.
Гразилъ парень 3
Красный дѣвицы
души
Дабро, дѣўка!
Дабро, красная!
Будешь, дѣўка,
Будешь, красная,
У маихъ рукахъ....

Мѣщанская свадьба отличается нѣкоторыми особенностями: На второй день свадьбы происходитъ «цѣлованіе». Всѣ сидятъ за столомъ. Молодые подносятъ водку, а ихъ присутствующіе надѣляютъ деньгами. На третій день бываетъ «полосканіе бочки». Такъ называется угощеніе стариковъ; въ домѣ невѣсты старички «допиваютъ» свадебную водку.

На свадьбѣ подается булка, называемая не *караваемъ*, какъ у мужиковъ, а *катéльникомъ;* она полъ-аршина вышины, квадратная; печется изъ пшеничной муки.

Хвалебная пѣсня, поёмая на свадьбѣ въ честь невѣсты, поэтическими образами изображаетъ торжество ея родителей:

Да добраго роду Анисья,
Добраго рода Ивановна:
Ни спазорила никаго,
Ни свайго роду бальшога,
Ни своей матушки роднинькій.
Посадила батюшку на кутѣ,
Какъ залотъ перстéнь
на рукѣ,
Какъ зямчужинка въ челѣ,
Какъ ягода въ борочку,
Какъ вишинку въ садочку.
Въ саду Аксинья гуляла,
Ялыя твяты ирвала,
Свайму падолу ровняла.

Въ слѣдующей свадебной пѣснѣ описывается тяжелое положеніе невѣсты въ своей семьѣ; женихъ выручаетъ невѣсту:

Женихъ:

Ты подай ручушки, Аксинья,
Ты подай ручушки, Ивановна!

Невѣста:

Вотъ табѣ, Григорьюшка, абои
Вывиди мяне съ няволи,
Да изъ батькиный работи.

А мнѣ работа надоѣла:
Каромысилъ плечушки абъѣздилъ,
Валёкъ ручушки атарвалъ,
Усѣмъ дѣвушкамъ раскидалъ *).

Ругательныя пѣсни, обращенныя къ невѣстѣ, отличаются отъ крестьянскихъ.

Въ одной изъ свадебныхъ пѣсенъ описывается преступная любовь братьевъ къ сестрѣ:

---

*) Еще до вѣнца поются слѣдующія пѣсни:

1) Плакала тужила Анисья,
Што рана зима напала,
Сняжкомъ рутужка запала.
Какъ услышалъ Григорьюшка,
Какъ услышалъ Иванушка:
«Ни плачъ, ни тужи Аксинья:
Я вчера ввечоръ въ торгу былъ,
Старгувалъ тебѣ вяночикъ
Съ руты, съ мяты, съ шавлéи (съ щавля),
Ящо съ бѣлинькихъ красочекъ.

2) За горою саловьюшка купалась,
Тамъ наша Аксиньюшка умывалась;
Ина умышися втанула.
Няткуль узялся братицъ мой —
Ты падай ручушки, Аксинья,
Ты падай ручушки, Ивановна.
Ни подамъ, братицъ мой, ни подамъ!
Луччи я тута патану!
Ни достануся никому.
(Но невѣста подаетъ руку жениху).

3) Матушка мая,
Да я таперь ни твая —
Я таго панá
Зъ кѣмъ ночку спалá;
Таго дварянина,
Съ кимъ ночь гаварила:
Ня біу, ни журіу,
Плакатѣ ни вялѣу;
И сердечна обгарнуу.

Капалася свинья бѣлка — *)
Мы думали — дѣўка.
Свинью снарядили,
За столъ пасадили;
Стали частувати,
Свинья рихтувати.
Діяла шалковая
Стоила цалковаго.
Мои братья ковали,
Падковали сапаги,
Цаловали, милували,
И маладую абымали.

Въ лирической пѣснѣ, записанной мною въ Дорогобужѣ, поется о преступной любви брата къ сестрѣ:

А кончилъ курсъ сваей науки,
Я въ домъ въ родительскій попалъ,
Прасилъ въ атца благаславенья,
Катораго атецъ не далъ,
Друзья, предъ вами сознаюся:
Сестру родную палюбилъ,
Всегда преслѣдовалъ за нею,
Всегда къ любви ее скланялъ.
Однажды вашолъ къ сестрѣ я въ спальню
Тихонько двери оттворилъ,
Я палъ предъ нею на колѣни
Сказалъ: сестра, люблю тебя!
Въ ва ней ва чреви былъ младенецъ
И той минуты ожидалъ.

---

*) У крестьянъ поется, когда обвѣнчаютъ молодыхъ, такая пѣсня:

Абманили папа,
абманили:
Брата съ сястрой
ажанили.

Вдругъ двери съ шумамъ аттварились...
О Божа! всходить нашъ атецъ.
Глаза свирѣпо засверкали
И поднялъ взоръ свой къ небесамъ.
«Ужъ вы, дѣти маи, дѣти,
Зачѣмъ пралили кроў маю?!»

Въ слѣдующей укорительной пѣснѣ перечисляются имена любовниковъ, которые были въ связи съ невѣстой до брака:

*) Ай дѣвица вумница
Съ рибятами крутитца

(слѣдуютъ названія ребятъ, съ которыми дѣвица находится въ любовной связи).

Всѣ эти пѣсни старинныя и не имѣютъ никакого отношенія къ современной дѣйствительности.

Слѣдующею пѣснею дразнятъ свашекъ подругъ невѣсты, уступившихъ невѣсту жениху за недорогіе подарки:

Да татарки дѣўки, татарки,
Продали дѣўку за подарки.
Мы жъ думали: сватъ богатъ,
Ажно жъ у свата ширъ борада:

---

*) Еще укорительныя пѣсни:

1) Аксинья отдаеть дочку
скрозь ночку,
Адна была загавáла (дура),
Печки палати вытирала.

2) У нашига Якуша
Была свинья хараша,
Парасила парасятъ
Парасенковъ пятьдесятъ
Да все свинычки
Бязъ спинычки.

3) А матушка съ имбирёмъ!
Чешимъ грибинёмъ,
Ничего не разберёмъ,
Къ мужу пригрибёмъ.

За три деньги свадьбу сыгралъ,
За четверту солоду купилъ.

Невѣстѣ сиротѣ, не имѣющей отца, поютъ пѣсню:

Жалка, жалка, моя матушка
мнѣ тибе
Атстается рута — жароня
вся у тибе.
Уставай, моя матушка, раненька,
Поливай руту — жароню частинька
Все утрами — вичирами
Гарючими свайми слизами.

Относительно Дорогобужскихъ погребальныхъ обычаевъ мы читаемъ слѣдующее въ памятной книжкѣ Смоленской губерніи *):

«Вмѣстѣ съ покойникомъ въ гробъ кладутъ и то орудіе, которымъ онъ добывалъ себѣ средства къ жизни, говоря, что это необходимо для будущей жизни, чтобъ и тамъ было чѣмъ работать или чтобъ и въ будущей жизни продолжать то же занятіе, къ которому покойникъ привыкъ въ настоящей; такъ напримѣръ, если покойникъ занимался при жизни сапожнымъ ремесломъ, то въ гробъ кладутъ шило; если разводилъ пчелъ и торговалъ медомъ, то въ гробъ ставятъ чашку съ медомъ, и наконецъ, если покойникъ занимался главнымъ образомъ пьянствомъ, то вмѣстѣ съ нимъ въ гробъ ставятъ штофъ водки, и при разрытіи старыхъ могилъ случалось довольно часто находить въ гробахъ штофы съ водкой, при чемъ послѣдняя оказывалась очень крѣпкой отъ времени».

Въ настоящее время нарядъ дорогобужскихъ мѣщанъ измѣнился. Старинный женскій головной уборъ, обшитый золотомъ съ «висюльками», назывался «каптурóмъ». На плечахъ нашивались газы́, стоющіе до 5 руб., по три четверти аршина въ длину

*) Справочная книжка Смоленской губерніи 1894 года.

и два вершка въ ширину. Въ старину мѣщанки носили шнуровки; шнуровка имѣла поясъ, къ которому привѣшивались ленты, къ шнуровкѣ прикрѣплялась юбка.

Праздничныя кушанья Дорогобужскихъ мѣщанъ: ссѣкъ или говядина съ хрѣномъ, пироги съ рисомъ и слоеные пироги, утки, гуси жареные, къ которымъ подаются моченыя яблоки и соленые огурцы.

Дорогобужскіе мѣщане—народъ веселый: любятъ шуточки, прибауточки, любятъ давать насмѣшливыя прозвища другъ другу и сосѣдямъ. Жители Заднѣпровской стороны отличаются крайнею бѣдностью. Дорогобужцы имъ говорятъ: «У васъ на Христовъ день бываетъ перенесеніе трубки; сорокъ заднѣпровцевъ въ одну трубку курятъ». Заднѣпровцы готовы за это драться не на животъ, а на смерть.

Жители села Яковлевичъ, ближайшей къ Дорогобужу деревни, судились съ однимъ помѣщикомъ за кражу у послѣдняго лозы; Яковлевичскихъ пушкарьковъ Дорогобужцы приводятъ въ бѣшенство, напоминая имъ о прошлой кражѣ:

«Дю, дю, дю! (Стуки топора по лозѣ) Яковлевичскіе пушкарьки! дю, дю, дю! Храмъ Божій хотѣли украсть, лозовыми прутьями тащили; вы для этаго себѣ, дю, дю, дю, канатъ свейте; да Кузинскую церковь тащите».

Отмѣтимъ нѣкоторыя особенности Дорогобужскаго произношенія:

по-Дорогобужски	по-Смоленски (нарѣчіе Смоленскихъ крестьянъ),
Заднѣпровская часть	Заднѣпровская часть
пра́баба	прабабушка
вмѣстя́	умѣсти
пе́емъ	пяе́мъ (поемъ)
пе́ете	пяе́те (поете)
всино́щная	усе́нашная

я тога пана́	я таго па́на
залоть перстѐнь	пе́рстень
спала́	спа́ла

Вмѣсто арёмъ (орёмъ) говорятъ въ Дорогобужѣ ари́мъ, вмѣсто ѣсть—ись, вм. въ мене—у меня; къ живописецу, но «горючими слезами», пу паднебезью, сравн. смол.: пу паднебесью, шщитали — считали.

Встрѣчаются слѣдующія слова: «мята рута — жароня» (не геран ли?), шавлѐя—щавель, загавóла (такъ!)—дура, безтолковая; Ари́ха—Арина, Ари́шка.—Собака уздумаетъ—поговорка. Спой пѣсенку! — А собака пѣсни уздумаеть.

Купаясь въ Днѣпрѣ близъ города Дорогобужа, я наблюдалъ за мѣщанскими мальчиками.

Предъ купаньемъ каждый мальчикъ непремѣнно кувыркался. Мальчики шалили, пачкали другъ друга глиной и пескомъ. Разсерженные шуткою товарищей, прежде чѣмъ отмстить и въ свою очередь сдѣлать нападеніе, мальчики бранились и употребляли постоянно одно и то же выраженіе:

— «Нѣтъ, ета ніўвазможна!»

Данныя шубрейскаго или кубрацкаго языка дорогобужскихъ мѣщанъ.

Абва́гривать = обвѣшивать.
Абвихто́рить = обвѣсить.
Абъипе́рить = обобрать, обыграть.
Абке́риный во́латъ = оюенный конь.
Абмастю́жить = обмазать.
Абмастю́жить скрипу́ни = обмазать дегтемъ ворота съ цѣлью опозорить дѣвушку.
Акарпу́живать = обманывать.

Акарпу́зить = арестовать, отдать подъ судъ, обыскивать (о дѣйствіяхъ урядника, станового).
Анто́ня = картофель.
Апте́кію, см. апте́кору.
Апте́кору = мастеръ.
Апте́кору того дѣла = мастеръ того дѣла.
Артихо́нъ = блинъ.

Ба́кырь = два.
Ба́кырь хрустоў = два рубля.
Банкру́тъ = самоваръ.
Батыга = копейка.
Бе́тый, бе́тая, бе́то = этотъ, эта, это.
Бику́рка = палка.
Брудки́ = дрова.
Бука́съ = квасъ.
Бурма́да = чай.
Бурма́къ = чай.
Бурме́нь = ячмень.
Быкъ = ключъ.

Варна́тка = блоха.
Варна́тычка = курочка и блоха.
Васьминуса́ = восемь.
Визи́тъ = кольцо.
Ви́сла = масло.
Висля́тники = яблоки; также «висельцы́».
Висля́тница = яблонь.
Вихлія́ = борода.
Вихро́ = сѣно.
Волатъ клёвый = смирный конь, меринъ.
Волотёнокъ = жеребенокъ.
Волати́ха = кобыли́ца.
Во́лю = хочу.

Вы́керить = выпить; вы́керить мырчо́нки = напиться водки.

Гаврю́къ = горохъ.
Галимо́ = молоко.
Галы́да = корова.
Га́лыдъ = быкъ.
Га́лыстить = солить.
Га́лысь = соль.
Гамы́ра = водка.
Гла́у́ля = голова.
Грабы́лки = руки.
Гу́ндыръ = сто.
Гурды́га = темница, острогъ.

Двухма́рный = двугривенный.
Девитинжа́ = девять.
Де́канъ = десять, десять рублей.
Декша́рить = просить, см. зета́ть.
Де́лька = вода, рѣка, озеро.
Ди́дка = чортъ; ди́дка зна́хтить = чортъ знаетъ.
Ди́льма, см. де́лька.
Дихма́нъ и де́кманъ = серьезный человѣкъ, урядникъ.
До́ка = довольно.
Досты́клитца и досы́клитца } достанется
Дуйки́ = свѣча, см. дулёкъ.
Дулёкъ = свѣча, см. дуйки́.
Ду́литца = курить.
Дуля́сникъ = самоваръ.
Дякно́ = окно.

Задермо́нить = надергать, натаскать.
Задря́гывать = запрягать.
Затро́или варна́тки = заходили въ головѣ вши (тро́ить = кусать).

Замасты́рить = засадить, заключить; напр. у гурды́гу = въ темницу.
Захимѣ́ть = захворать.
Зду́лить = спечь.
Зе́дка = рожь.
Зета́ть = просить
Зеть = проси.
Зна́хтить = знаетъ.

Изду́мать = придумать.
Іоный, іоная, іоное = одинъ, одна, одно.
Ипе́рить = брать, красть.
Иха = ихъ, напр. и́ха по́са (ихъ много), а насъ мни́ка (а насъ мало).

Кабо́тъ = мужикъ.
Ка́вка = водка.
Кавярды́катца = давать кукиши, дразнить.
Кажу́ха = шуба.
Кала́пый во́латъ = слѣпой конь.
Каминда́съ, род. каминда́са = камень.
Ка́мля = шляпа, картузъ.
Канто́рить = говорить.
Кана́ўка = конопля.
Ка́ня = кабакъ.
Каплу́ха = шапка.
Капни́къ = полтинникъ.
Кара́пка = ложка.
Кара́пча, см. карапка.
Касе́й = попъ, священникъ.
Катаржню́къ = арестантъ.
Ка́тька = сто рублей.
Каўре́й = баринъ.
Клёвый = хорошій, смирный.
Кимѣ́ить = болѣетъ.

Климъ = воръ.
Коршáкъ = котъ.
Коршачёкъ = котенокъ.
Кóснуть = ударить.
Кóстрамъ = городъ.
Кострамéцъ = мѣщанинъ.
Кóтни = катки.
Кóтни = картофель.
Крехтá = каша.
Кубрáцкій языкъ = мѣщанскій воровской языкъ
Крéса = говядина.
Куганъ = цыганъ.
Куганычка = цыганочка.
Кудáкъ = penis, sensu obscoeno—ни кудакá ни знáхтить = ничего не знаетъ.
Кулáўка = лавка.
Кýмажна = можно.
Куплёшить = купить.
Куплёшіў = купилъ.
Кýричка = рѣчка.
Курсáкъ = брюхо, животъ, требухъ.
Кýчій = чай.
Кýштаны = штаны.

Лабóникъ = мальчикъ, товарищъ, пріятель, землякъ.
Лабýниться = браниться.
Лабы́рь = мущина.
Лáгарникъ = безмѣнъ.
Лапýхъ = капуста.
Лóскатъ = зубъ.
Луптéтца = смѣяться.
Лы́гусъ = волкъ, медвѣдь.

Мáйму = мнѣ, см. мáймусу.

Ма́ймусу = мнѣ.
Мана́тка = рубашка.
Макрецъ, см. микре́цъ.
Мане́йскій = мужикъ.
Манёкъ = я.
Маргавѣ́й = скорѣй; пахли́мка маргавѣ́й = пойдемъ скорѣе, уединимся для секретныхъ переговоровъ.
Марчёнка и мырчёнка = водка.
Мару́шникъ = гривенникъ.
Масо́ла = солома, см. муса́льникъ.
Местю́жить = работать.
Мета́тка = рубаха.
Микре́цъ = ребенокъ. Микрецы́ плакси́вютъ — супе́хи волютъ = дѣти плачутъ — хотятъ хлѣба.
Ми́крый = мальчикъ.
Мія́ютъ = есть.
Мни́ка = мало.
Муса́льникъ = солома, см. масо́ла.
Мыса́лки = сани.
Мякре́цъ (отъ ми́крый) = жеребенокъ.

Насты́жники = штаны.
Не́бсулимъ = нечѣмъ.
Никудака́, см. нипсуля́, см. куда́къ.
Нипсуля́ ни зна́хтить = ничего не знаетъ.
Ни шкута́ = ровно ничего, см. никудака́.
Нѣмча = нѣтъ.
Нявво́литца = не хочется.

Падтрои́ть = подъѣсть.
Пазита́ть = попросить.
Пако́сать = побить; пако́сать дяко́шки = побить окна.
Папи́ръ = книга.
Парахи́на = поддѣльный воскъ.

Па́рка = хата.
Пахли́ли = пошли.
Пахли́мка = пойдемъ.
Пиджа́къ = пятакъ.
Пи́лу́съ = ножикъ.
Пинджа́къ = кнутъ, см. таранчу́къ.
Пинжа́ = пять.
Пирху́тычка = овечка.
Пи́трусъ = мѣшекъ, см. ша́нька.
Плаксы́рить = плакать.
Поддермо́нить = поддернуть кверху, стащить, украсть.
Подке́рить = напиться до пьяна, охмелѣть.
Покубра́цки = по-шубрейски = по-мѣщански, на тайномъ воровскомъ языкѣ, «чтобъ не узна́хтили».
Попандь́чить = попасть въ бѣду.
По́са = много, см. мни́ка.
Поха́зникъ = хозяинъ.
Пошубре́йски = покубрацки = на воровскомъ языкѣ дорогобужскихъ мѣщанъ.
Прита́хтить = принесть.
Прихлива́й = приходи.
Пукъ = солдатъ.
Пуксе́й = солдатъ.

Раско́сникъ = разбойникъ.
Румада = трава.
Рю́хта = свинья.
Рюхтёначка = свинка.
Ряптю́хъ = мѣшекъ.
Ря́ха = женщина.

Семинжа = семь.
Се́врить = понимать.
Сивóрка = холодно, морозъ.

Сижма́тца = сидѣть.
Си́зманъ = вошь.
Сикили́ха = табакъ.
Сико́рить = сц... ть.
Сканда́ли́та́ = стаканъ налитъ.
Скитъ = собака; «скитъ зна́хтить» = «собака знаетъ», т. е. «я не знаю».
Скиту́ха = сучка.
Скрипу́ни = ворота.
Скро́бки = сапоги.
Смики́тить = понять.
Смита́на = кулакъ.
Смита́ны дать = огрѣть кулакомъ, вздуть хорошенько.
Ссѣкъ = говядина съ хрѣномъ.
Сте́пля = печка.
Стохля́ть = стоить.
Стракуля́сникъ = урядникъ.
Сулъ = чортъ; ну, ее къ суля́мъ = къ чертямъ.
Супе́ха = хлѣбъ, коврига хлѣба.
Схиме́ть = умереть.

Та́бунъ = ты.
Та́буну = тебѣ.
Та́йбусу = тебѣ.
Таранчу́къ = кнутъ.
Та́хтю = несу. Та́хтю, та́хтишь, та́хтить, та́хтимъ, та́хтите, та́хтютъ.
Трипѣлая старуха (или яру́ха) = молодуха.
Тро́йка = кушанье. Хи́ла тро́йка = кушанье дрянь.
Трои́ть = ѣсть, давай «трои́ть».
Трусиха = мука.
Трухаль = дождь, дождь идетъ.
Трынка = рюмка.
Тума́нить = курить.

Уго́лъ = четвертной.
Угу́рить = дать.
Укли́мать = украсть.
Узна́хтить = узнать.
Улёпки = глаза.
Ухли́ть = уйти.

Фили́зникъ = носовой платокъ.
Фуксе́й = солдатъ, см. пуксе́й.
Фуксе́йка = солдатка.

Хабёлъ = мужикъ.
Хабо́тъ = мужикъ; хабо́тъ у христо́сикахъ = мужикъ въ лаптяхъ.
Хабу́ры = деньги.
Хазъ = домъ.
Ханы́га = хромой.
Ханяни́ = калъ.
Ха́рпа = курта (такъ!).
Харпа́ль = мужикъ.
Хвата́й = плотникъ.
Хе́зить = ср... ть.
Хвистъ (по малороссійски) = хвостъ.
Хи́ла = дрянь.
Хи́ла = грѣхъ, вина, обвиненіе.
Хирóвина = чепуха.
Хлóпикъ = дуракъ; два хлóпика = два дурака.
Хóйра = деревня, ср. хóрья.
Хóля = ходъ, движеніе впередъ.
Хóпки = деньги.
Хóрья = деревня, ср. хóйра.
Хри́ма = обѣдня, служба, часовня, церковь.
Христóсики = лапти.
Хрустъ = рубль; три хруста = три рубля.

Цапа́ть = молчать.
Цапа́й = молчи.

Черна́вка = гречиха.
Черна́вка = монашенка (и гречиха).
Черна́къ = монахъ.

Шавру́къ = баринъ (см. кавре́й).
Ша́нька = карманъ, мѣшекъ, см. пи́трусъ.
Шару́та = бѣда, нехорошо, неладно: опасность, ухливай, лабо́никъ: шарута!
Шентя́къ = кнутъ.
Ше́хманъ = чортъ, колдунъ.
Ширгава́ть = торговать.
Ширга́вецъ = торговецъ.
Ши́хта = дѣвка, дѣвица.
Шихти́ца = дѣвочка.
Шкути́ха = задъ.
Шмурте́й = дуракъ.
Шупа́къ = пятачекъ.
Шупле́й = овесъ.
Шупло́ = овесъ.
Шупля́къ = овесъ.

Яру́ха = старуха.
Яўро́ = яйцо.
Я́ўрушка = яичко.
Яўря́тница = яичница.

Государственная публичная историческая библиотека